

Бовыкин Владимир Валентинович

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В РУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ КОНЦА XV - НАЧАЛА XVI В.

Анализируя актовый материал конца XV - начала XVI в., автор выявил новые доказательства того, что в начальный период становления единого Русского государства местное самоуправление в традиционных своих формах доминировало в решении местных вопросов над органами, представляющими центральную власть. В статье предпринята попытка актуализировать применительно к данному периоду мнение Н. П. Павлова-Сильванского о том, что "существо средневековой волости" заключалось в самоуправлении, а не в общинном землевладении.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/4-1/4.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 4 (18): в 2-х ч. Ч. I. С. 22-24. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/4-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 930.23(47)041

Анализируя актовый материал конца XV – начала XVI в., автор выявил новые доказательства того, что в начальный период становления единого Русского государства местное самоуправление в традиционных своих формах доминировало в решении местных вопросов над органами, представляющими центральную власть. В статье предпринята попытка актуализировать применительно к данному периоду мнение Н. П. Павлова-Сильванского о том, что «существо средневековой волости» заключалось в самоуправлении, а не в общинном землевладении.

Ключевые слова и фразы: местное самоуправление; коллективные действия; суд; землевладение; власть.

Владимир Валентинович Бовыкин

Кафедра истории России с древнейших времен до XX века

Санкт-Петербургский государственный университет

vladimireastock@rambler.ru

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В РУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ КОНЦА XV – НАЧАЛА XVI В. ©

Наилучшим образом феномен местного самоуправления в России на грани XV–XVI вв. проявляет себя в документах, освещающих конфликтные стороны жизни. Особенно интересны в этой связи сведения о земельных спорах. В материалы такого рода летописный пафос и публицистические фантазии практически не проникают. Следовательно, информация, полученная в результате исследования данного вида источников, позволит наилучшим образом оценить состояние интересующего нас института государственности.

Цель настоящей работы состоит в том, чтобы показать, как в начальный период становления единого Русского государства местное самоуправление в традиционных своих формах доминировало в решении местных вопросов над органами, представляющими центральную власть. Для достижения указанной цели автор ставит задачу доказать, что местное самоуправление играло наиважнейшую роль в земельных спорах.

Крестьянские старосты, сотские, десятские, старожильцы и просто «люди добрые», проживающие за духовными и светскими землевладельцами, очень часто упоминаются в соответствующих документах как активные действующие лица в земельных тяжбах и разъездах [2, № 16, 125; 3, № 5, 7, 58, 61, 174, 216, 229, 254, 274, 276; 6, № 9, 10, 13, 15, 18, 22, 23, 47, 51; 7, № 8, 9, 12, 44а, 46б, 114, 130, 154, 155, 156, 166, 181, 183, 186, 194, 197, 208, 221, 289].

Весьма характерные распоряжения судьям, назначенным для решения земельных споров, отдает великий князь: «И вы бы взяв с собою сотцкого и старост, и тамошних людей добрых старожильцев с обе стороны, да с ними бы есте на ту землю ехали» для расследования «чья то земля ис старины» [1, № 35, 37, 38, 48; 4, т. 1, № 43; 6, № 9, 10, 13, 22, 23, 47, 51]. Указания произвести досмотр и розыск «лутчими и средними сельчаны и деревенщики многими людьми» [6, № 47], которые поименно названы уже в исполнительных актах, также способствуют вовлечению в процесс большого числа участников. В помощь обозначенным действующим лицам могут быть привлечены десятки и даже сотни местных жителей из ближайшей округи. Среди них можно увидеть старост, сотских, десятских.

Функции этих, надо понимать, особого статуса лиц в общественной иерархии специально не прояснены. Все они, как кажется, принимают участие в спорах по ходатайству истца или ответчика, по решению судей или вышестоящей инстанции, возможно, и по собственной инициативе. Но, что важно, ни одно разбирательство по земельному спору не обходится без их участия.

Совершенно особую роль в деле установления истины играют старожильцы. Некоторые из них говорят, что помнят, где пролегалли межи и кому принадлежали земля, лес, пожни, починки, селища за пятьдесят, шестьдесят и девяносто лет [5, т. 3, № 209]. Один такой свидетель, по его словам, 120 лет от роду, ссылается в своих показаниях и на то, что он слышал от своего отца [6, № 17], другие утверждают, что помнят за 100 и даже 110 лет [1, № 53]. Чем больше срок, тем весомее, очевидно, кажется аргумент.

Вне зависимости от наличия у тяжущихся сторон правоустанавливающих документов на предмет спора, показания «ветеранов» – хранителей коллективной памяти всегда принимаются судом во внимание. Традиция, обычай, сложившийся порядок – это и есть закон, по которому живет местное сообщество. Центральная власть государства, которую представляют назначенцы из Москвы, вынуждена считаться с таким положением дел.

Следует отметить, что большинство дел выигрывают монастыри. У них лучше сохраняется документация, подтверждающая права на землю или угодья. Крестьяне черных волостей могут быть организованы не хуже, чем монастырские, митрополичьи или частновладельческие. Возглавляемые своим лидером-вожаком (источники, как правило, выделяют его имя особо, либо указывают прямо – староста «во всех крестьян место»), они способны отстаивать свои интересы в суде любой инстанции, привлекая в качестве свидетелей и старожильцев не меньше людей, чем оппоненты. Нет особых различий и в качестве аргументации и доказательной базы. При прочих равных, как правило, в конечном итоге все решают грамоты, подтверждающие позиции соперничающих сторон.

Причины, по которым монастырь проигрывает суды черносошным крестьянам, равно из того же ряда: отказ от «поля» [5, т. 2, № 334], сомнительное качество печатей на грамоте и нарушение процедуры («тех земель перед князем... по грамотам не очистил» [Там же, № 333, 338]). Даже если документ на землю есть, может быть выдвинута претензия: «до сих мест грамот не положил и им еси молчал» [Там же, № 229].

В некоторых случаях именно сплоченность городской посадской общины во главе со старостой, выполнение исчерпывающего комплекса действий по сбору доказательств влияют на исход дела [4, т. 1, № 314]. Мирская солидарность, хорошая организация, способность противостоять судебной волоките и изощренной процедурной тактике оппонента, недюжинное терпение позволяют дойти до суда последней инстанции и доказать свою правоту [5, т. 2, № 338].

Таким путем шел процесс санкционирования обычая государством (в частном случае – предмет спора в суде высокой инстанции) и права местного сообщества на самоуправление (имманентное ему свойство). Обычное право получало статус закона, писаного права.

Судебным разбирательствам о земле и угодьях, как правило, предшествовали нарушения издавна сложившегося порядка. Крестьяне (и монастырские, и черносошные, и «кто чей ни буди»), нарушая межу (осознанно или по невежеству), «сильно» косили сено, пахали пашню, пасли скот, ставили починки и деревни, хозяйничали в чужом лесу и угодьях. Не всегда можно было бы характеризовать эти действия, как коллективные. Но сам ход расследования способствовал тому, что, казалось бы, частное дело становилось коллективным предприятием, куда были вовлечены уже многие. Община принимала живейшее участие в таких спорах.

Судьи, как видно из документов, занимаются своим делом и не имеют прямого отношения к вопросам организации, порой, очень большого количества людей – участников разбирательства и заинтересованных лиц, проживающих на обширной территории. Эти задачи весьма успешно решаются лидерами местных сообществ, старостами и сотскими.

Судя по всему, нередко случается и коллективное, самодеятельное самоуправство, которое зачастую сопровождается действиями насильственного характера. И здесь сплоченные своим интересом черносошные крестьяне, не обязательно именно со старостой во главе (многие источники даже не упоминают этой «должности»), противостоят такому же трудовому коллективу близлежащего монастыря, митрополичьей либо светской вотчины. Столь же актуальными могли быть как территориальные притязания духовных и секулярных соседей-землевладельцев друг к другу, так и механизмы их исполнения силами «своего» крестьянского коллектива. Что, в конечном итоге, подтверждается судебными протоколами – «судными списками», «правыми грамотами» и «разъезжими» [2, № 16-18, 125; 3, № 230, 255; 5, т. 1, № 257].

В судебные разбирательства по земельным вопросам вовлечены практически все категории населения. Это, видимо, привычное, традиционное занятие и для земледельцев, и для землевладельцев. Как видно из источников, культура (в более узком смысле – идеология) судопроизводства и регламент процесса (техническая сторона вопроса в его основных чертах) не заключают в себе явных предпочтений какой-либо стороне по делу, в зависимости от общественного статуса. Судебный инструмент (система сбора и представления доказательств) универсален и одинаково доступен для всех участников.

Складывается впечатление, что решение спорных вопросов о «собственности» на землю в массе своей было предоставлено центральной властью местным обывателям – частным лицам, корпорациям и «общественным объединениям». Местная активность явно доминировала над инициативой и правотворчеством центра, уполномоченные представители которого, по сути, лишь фиксировали результат взаимодействия заинтересованных лиц.

Верховная власть, кажется, не видит большой проблемы в том, что отдельные ее подданные судятся друг с другом за землю, как они ее называют, «великого князя», «черную», «тяглую». Никакой внятной идеологической позиции по этому поводу, кроме требования соблюдать известные судебные нормативы (как бы их себе не представляли), просто нет. Какие бы сражения сторонников и противников монастырского землевладения не происходили на идеологическом фронте, в судебной практике явного их влияния не заметно.

Похоже, что великий князь и в самом деле не считает себя вотчинником-землевладельцем в том смысле, как это представляют себе его подданные. В соответствии с новой концепцией власти государя всея Руси [16, с. 8], собственность становится функцией власти, ее следствием [9, с. 82; 13, с. 111–133]. Видимо, поэтому нет никакого резона для вмешательства в споры на местном уровне о том, кому «принадлежит» тот или иной участок земли или угодий. В конечном итоге все в государстве принадлежит великому князю. И само государство тоже.

«Существо средневековой общины, на Западе – марки, а у нас – мира, волости, – писал выдающийся русский медиевист Н. П. Павлов-Сильванский, – заключается не в общинном землевладении, а в самоуправлении. В основе этого мирского самоуправления лежит территориальная власть мира на землю, связывающая несколько собственников в одно сплоченное целое и обуславливающая все их права и обязанности по отношению к миру... Эта власть не исключает частного права собственности на землю отдельных членов». Отсюда проистекают права общины на тех, кто владеет участками общинной земли в отношении дани, суда и расправы [14, с. 200-201].

А. И. Копанев видел «главный порок теории» Н. П. Павлова-Сильванского в том, что исследователь «не мог понять, что общинное распоряжение... и зоркий надзор волости за всеми землями являлись пережитками древнего общинного владения всей землей, что именно эти пережитки первобытно-общинного строя и были основой... волостного мира...» [11, с. 189]. Однако, как бы ни была «порочна» теория дореволюционного историка,

с точки зрения А. И. Копанева, аргументированных возражений по существу общинного самоуправления советский историк не выдвигает. Как кажется, С. В. Бахрушин придерживался аналогичной позиции [8, с. 53–80].

В. В. Колесов, справедливо указывая на «многие степени власти» в средневековой иерархии, где «царь-государь со своей державой только самая важная из них», полагает, тем не менее, что «...мир древних руководящих лиц» только кажется многочисленным. На самом же деле, по мнению ученого, это – «...книжный мир перевода, результат страстного желания достичь в описании такой же разветвленной иерархии должностей, какая существовала в Византийском государстве... В быту, в разговоре и в княжьем устройстве было только две ступени: князь, т.е. абсолютный верх, вершина, – и все остальное» [10, с. 278, 285]. С такой трактовкой положения дел в сфере управления и распределения власти в средневековой России, по крайней мере, применительно к исследуемому периоду, трудно согласиться.

«Доступити нам государя не мощно, а неместником есме, господине, коломенским о той земле бивали челом неединова, и они господине нас о той земле с старцы не управляют», – жаловались судьям волостные крестьяне [5, т. 2, № 414]. В то же время, соседи без особых проблем могли договориться друг с другом и «полнобвонно» размежевать землю [Там же, № 260]. Думается, что бывали случаи, когда соответствующие «договоренности» с судьей решали дело в пользу одной стороны и в ущерб другой. На возможность такого сценария указывают некоторые грамоты [Там же, № 338, 414]. Не могли обойтись без предварительного сговора заинтересованных лиц и такие действия как подделка грамот (купчих или данных) с дальнейшей их легитимацией.

Местные сообщества, кроме установленной им «сверху» судебной опеки (они, по возможности, и ее игнорировали, воспринимая как «неизбежное зло» [12, с. 58]), в принципе, были предоставлены сами себе в решении всех своих вопросов [15, с. 104–107]. Способности земледельческих и промысловых общин в средневековой Руси к самоорганизации и саморегулированию не вызывают никаких сомнений. Практическая реализация этого потенциала нашла свое отражение в рассмотренном актовом материале. Исполнительные органы местного самоуправления в лице старост, сотских, десятских при поддержке своих «избирателей» вполне контролировали ход событий на «подведомственной» им территории.

Список литературы

1. **Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России** / соб. и изд. А. Федотов-Чеховский. Киев, 1860. Т. 1. 407 с.
2. **Акты российского государства. Архивы московских монастырей и соборов XV – начала XVII в.** М.: Янус-К, 1998. 734 с.
3. **Акты Русского государства 1505–1526 гг.** М.: Наука, 1975. 436 с.
4. **Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века.** М.: Археогр. центр, 1997–2008. Т. 1–4.
5. **Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в.** М.: Изд-во АН СССР, 1952–1964. Т. 1–3.
6. **Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1506–1608 гг.** / сост. С. Н. Кистерев, Л. А. Тимошина, ред. С. Н. Кистерев. М.: Памятники исторической мысли, 1998. 640 с.
7. **Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков.** М.: Изд-во АН СССР, 1951. Ч. 1. 401 с.
8. **Бахрушин С. В.** Вопрос о русском феодализме в научной литературе // Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма: научное наследие / отв. ред. Б. В. Левшин. М.: Наука, 1987. С. 53–80.
9. **Васильев Л. С.** Феномен власти-собственности: к проблеме типологии докапиталистических структур // Типы общественных отношений на Востоке в средние века: сб. ст. / отв. ред. Л. Б. Алаев. М.: Наука, 1982. С. 60–99.
10. **Колесов В. В.** Мир человека в слове Древней Руси. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. 312 с.
11. **Копанев А. И.** История землевладения Белозерского края XV–XVI вв. М. - Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 255 с.
12. **Кузмин А. Г.** Мародеры на дорогах истории. М.: Русская панорама, 2005. 334 с.
13. **Латов Ю. В.** Власть-собственность в средневековой России // Экономический вестник Ростовского гос. ун-та. 2004. Т. 2. № 4. С. 111–133.
14. **Павлов-Сильванский Н. П.** Феодализм в России. М.: Наука, 1988. 690 с.
15. **Покровский Н. Н.** Актовые источники по истории черносошного землевладения в России XIV – начала XVI в. Новосибирск: Наука (Сиб. отд-ние), 1973. 281 с.
16. **Успенский Б. А.** Царь и патриарх: харизма власти в России: византийская модель и ее русское переосмысление. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 680 с.

LOCAL SELF-ADMINISTRATION IN THE RUSSIAN STATE OF THE END OF THE XVTH – THE BEGINNING OF THE XVITH CENTURY

Vladimir Valentinovich Bovykin

Department of Russian History from Ancient Times till the XXth Century
St. Petersburg State University
vladimireastock@rambler.ru

Analyzing act material of the end of the XVth – the beginning of the XVIth century the author reveals new evidence that local self-administration in its traditional forms dominated in local problems solution over the bodies representing central authority during the initial period of the unified Russian state formation, and undertakes the attempt to actualize N. P. Pavlov-Sil'vanskii's opinion with respect to the given period that «the essence of medieval volost'» was in self-administration, but not in communal land ownership.

Key words and phrases: local self-administration; collective actions; court; land ownership; authority.